

«Лествица, возводящая на небо»

Сразу после смерти Гоголя, разбирая уцелевшие от сожжения бумаги, его друзья обнаружили среди них значительное количество выписок религиозного содержания. Граф А. П. Толстой, в доме которого жил последние годы Гоголь, писал своей сестре С. П. Апраксиной о «множестве тетрадей копий и выдержек из переводов св. отцов»; особо отметил их С. П. Шевырев, а И. С. Аксаков говорил даже о «целых фолиантах» подобных выписок. А. О. Смирнова в своих воспоминаниях неоднократно упоминает о том, что зимой 1843/44 года в Ницце Гоголь читал ей отрывки из творений отцов Церкви. Сам Гоголь, оставляя тогда своим близким знакомым Виельгорским собственноручный трактат «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии», замечал в нем, что подобные выписки «должны быть у всякого». Помимо этого, для Виельгорских был написан еще один трактат — «Правило жития в мире».

Той же зимой в Ницце Гоголь составил сборник «Выбранных мест из творений св. отцов и учителей Церкви». Он дошел до нас в двух копиях, хранящихся ныне в отделе рукописей Центральной научной библиотеки АН Украины в Киеве. Такого же рода, но меньшего объема сборник, собственноручный и отчасти повторяющий первый, хранится в отделе рукописей бывшей Румянцевской библиотеки — его Гоголь также читал А. О. Смирновой. Сюда же следует отнести и целую тетрадь переписанных им из служебных Миней церковных песней и канонов, находящуюся ныне в рукописном отделе Пушкинского Дома.

Публикуемый впервые гоголевский автограф тоже хранится в Пушкинском Доме. Это рукопись на трех листах без названия. Тематически она связана с упомянутым трактатом «О тех душевных расположениях...», первая глава которого носит название «О Гневе». Два начальных фрагмента и заключительный (помеченные в публикации звездочками) представляют собой выписки из «Лестницы» св. Иоанна Синайского, подвижника VI века, в том переводе, в каком мы находим ее в московском издании 1785 года, с названием — «Лестница, возводящая на небо».

Образ лестницы (в церковнославянском — «лествица») — один из наиболее часто встречающихся у Гоголя. Он восходит к 28 главе Книги Бытия Библии (ст. 10 — 17), где описывается видение патриарха Иакова: «Се лестница утверждена на земли, еяже глава досязаша до Небесе: и Ангели Божии восходяху и нисходяху по ней». Этот фрагмент входит в паремии, читаемые в Церкви на Богородичные праздники и встречается во многих акафистах: Пресвятой Богородице — «Радуйся, лестнице небесная, Еюже сниде Бог; радуйся, мосте, преводяй сущих от земли на небо»; Святителю Николаю — «Радуйся, лестнице, Богом утвержденная, еюже восходим к небеси...». В православной свято-отеческой литературе «лестница» — коренной образ духовного возрастания.

Сохранились свидетельства, что Гоголь внимательно изучал «Лестницу» и делал подробные выписки из нее. В 1926 году харьковский исследователь И. Ф. Ерофеев сообщал: «Среди новых рукописей, что хранятся в Музее Слободской Украины, привлекает к себе внимание неизвестная до сей поры рукопись Гоголя. Заглавие ее: «Из книги: «Лестница, возводящая на небо»».

Этот автограф, довольно значительного объема (на 92 страницах) и написанный каллиграфическим почерком, был приобретен И. Ф. Ерофеевым для

музея в 1925 году у А. И. Леонтьева, бывшего близким владыке Михаилу (Грибановскому). Владыка Михаил, епископ Таврический, умерший в 1898 году в Симферополе, был викарным епископом в Полтаве и коротко знал семью О. В. Головки и Быковых — родных сестер Гоголя, от которых в июле 1895 года и получил в подарок ряд гоголевских реликвий.

До 1938 года автограф Гоголя оставался в харьковском Историческом музее (бывшем Музее Слободской Украины имени Г. С. Сковороды). В настоящее же время Исторический музей Харькова, материалы которого, связанные с именем Гоголя, насчитывали до 13 единиц хранения, этими рукописями не располагает.

В сообщении 1926 года о гоголевских выписках «Из книги: «Лестница, возводящая на небо» И. Ф. Ерофеев привел несколько названий разделов этого сборника: «О подвижании, об уклонении от мира, о послушании, о покаянии, о гневе, о безгневии, о кротости; о плаче; гордость, тщеславие». С разделами «о гневе, о безгневии, о кротости» связаны первые два фрагмента публикуемого автографа. Что же касается заключительной выписки, то, будучи взята из слова «о послушании», она подверглась некоторой гоголевой переработке. А именно, выражение «в послушании» было заменено на «в сем состоянии». Вводя таким образом наставление за пределы собственно монашеского употребления, Гоголь, очевидно, намеревался адресовать составляемое им «правило» широкому читателю.

Среди святых отцов у Гоголя были и наиболее близкие ему, — например, св. Исаак Сирин (с творениями которого Гоголь познакомился довольно поздно), св. Иоанн Златоуст, св. Григорий Нисский. Но, пожалуй, на первом месте стоит св. Иоанн Лествичник.

Известно, что «Лестница» была одной из любимых гоголевских книг. Доктор А. Т. Тарасенков, наблюдавший Гоголя во время его предсмертной болезни, вспоминал: «Он указал мне на сочинение Иоанна Лествичника, в котором изображены ступени христианского совершенства, и советовал прочесть его». По словам Тарасенкова, сочинение св. Иоанна Лествичника нравилось Гоголю «своими строгими правилами», и «он старался достигать высших ступеней, в нем описанных».

Действительно, еще в 1842 году Гоголь писал В. А. Жуковскому: «Живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях». В 1843 году — Н. Н. Шереметевой: «Долгое воспитание предстоит мне, великая, трудная лестница». О «ступенях пути своего» упоминал Гоголь в письме к М. П. Погодину конца того же года. А. О. Смирнова в ноябре 1844 года писала ему: «Ведь я еще все-таки на самой низкой ступеньке стою, и вам еще не скоро меня оставить». Сохранились сведения, что Гоголь читал «Лестницу» при посещении Оптиной Пустыни в 1850 году. Тот же Тарасенков рассказывал, что Гоголь, умирая, сказал громко: «Лестницу! поскорее, давай лестницу!» (Подобные же слова о лестнице сказал перед смертью св. Тихон Задонский, сочинения которого Гоголь перечитывал неоднократно и тоже делал из них выписки.)

Можно предположить, что с книгой преподобного Иоанна Лествичника Гоголь ознакомился довольно рано. Исследователи усматривают влияние «Лестницы» в «Шинели» (начата в 1839-м). В 1955 году голландский славист

НЕИЗВЕСТНЫЙ
АВТОГРАФ
ВЕЛИКОГО
ПИСАТЕЛЯ

Гравюра Н. КАЛИТЫ

Ф. Дриссен указал на использование Гоголем мотивов жития св. Акакия Синайского в создании образа главного героя повести — Акакия Акакиевича Башмачкина. А в 1966 году немецкий исследователь К. Зеemann уточнил, что обращался при этом Гоголь к истории св. Акакия, изложенной в «Лестнице». (Как знать, не в Германии ли следует искать хранившуюся перед войной в Харькове гоголевскую рукопись.) Отечественный гоголевед Е. А. Смирнова, развивая соображения К. Зеemann, уже определенно говорит об изучении Гоголем «Лестницы» в 1839 году.

Однако автограф, описанный И. Ф. Ерофеевым, позволяет судить, что Гоголь прочел «Лестницу» еще ранее. Сам Ерофеев относил гоголевские выписки к середине 40-х годов; но при этом замечал, что в них есть «и реминисценция образа аскета из первой редакции повести «Портрет» (закончена в 1834-м). Следовательно, возможно приурочение выписок к более раннему периоду — до 1835 года, то есть до времени создания «Ревизора» и «Мертвых душ». Этого, кажется, не исключал и Ерофеев, когда вслед за В. Завитневичем писал, что если «лишить художественные образы «Мертвых душ», «Ревизора» очаровательных черт быта, какие им придал Гоголь, как мы сразу видим те самые «гадости» и «мерзосты» душевные», о которых Гоголь любил говорить уже в период своего мистического настроения, говорить уже абстрактно... В глубине настроения было все то же всегда — порыв к лучшей жизни...».

Образ лестницы встречается уже в одном из самых ранних гоголевских произведений — в повести «Майская ночь, или Утопленница» (1829). «Ни один дуб у нас не достанет до неба, — сожалеет красавица Ганна, — а говорят, однако же, есть где-то в какой-то далекой земле такое дерево, которое уходит вершиною в самое небо, и Бог сходит по нем на землю перед самым Светлым праздником». «Нет, Гали, — отвечает ей козак Левко, — у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли, и ставят ее перед Воскресением святые Архангелы, и как только Бог ступит на первую ступень, и все нечистые духи стремглав полетят от земли и кучами попадают в пекло, и оттого на Светлое Воскресение Христово ни одного злого духа не бывает на земле».

Этот же образ мы находим и в заключительной главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847) — «Светлое Воскресенье». Говоря о желании избранных людей провести Светлый праздник «не в обычаях девятнадцатого века, но в обычаях Вечного Века», Гоголь восклицает: «Бог весть, может быть, за одно это желание уже готова сброситься с небес нам лестница...».

Влияние «Лестницы» св. Иоанна Синайского можно предположить в разных произведениях Гоголя, но в «Выбранных местах...» оно ощущается с очевидностью. Построенная как назидательный

труд для современников, нечто вроде аскетического трактата для светских людей, книга Гоголя имеет подобную «Лестнице» композицию и духовную направленность: восхождение человека от самого низкого, заземленного состояния — физической или душевной смерти (последняя определяется погруженностью в многообразные страсти) — через победу над страстями и умерщвление в себе «ветхого человека» — к конечной цели — спасению и воскресению (одна из последних глав «Лестницы» — «О земном небе, или о богоподражательном бесстрастии и совершенстве, и воскресении души прежде общего воскресения»).

И сама жизнь Гоголя, сопоставимая с монашеским подвигом, — мучительная борьба между духовными устремлениями и писательским даром, сожжение рукописей, попытки ухода в монастырь, в конечном итоге — отказ от себя и мученическая кончина, — предстает как образ духовной лестницы, постоянного восхождения, — а произведения его являются некими вехами на этом нелегком пути.

В заключение скажем еще несколько слов о публикуемом автографе Гоголя. Для фрагментов, составляющих середину текста, то есть для тех отрывков, которые не являются выписками из «Лестницы», в принципе также не исключена возможность наличия какого-то первоисточника. Однако, думается, что если это и не авторские заметки, то рука Гоголя в них чувствуется в несравненно большей степени. Многочисленные текстуральные совпадения заметок с гоголевскими письмами тоже говорят в пользу авторства Гоголя. На основании этих совпадений можно датировать настоящее «правило» приблизительно 1843 годом. Заметим, что к концу этого года относится еще один прямой след чтения Гоголем сочинения преподобного Иоанна Лествичника. В декабрьском письме к Н. М. Языкову Гоголь, обеспокоенный тогда проблемой своего учительства, излагает одно из характерных поучений «Лестницы»: «Где-то (в книге одного святого... — **зачеркнуто Гоголем. — В. В., И. В.**) я начал, что советы всегда нужно давать и никак не следует останавливаться тем, что сам не готов. Потому что, давая советы другим, сделается стыдно самому, когда увидишь, что все это следует прежде обратить к себе, и кончится тем, что наконец придет в ум исправиться самому советщику». Об этом же читаем на 26-й ступени «Лестницы»: «Если же которые от прежних своих ко греху привычек обеспокоены бывают, а однако других хотя словами учить могут, пускай учат. Ибо может статься, собственных своих слов устыдившись, за самое дело когда-нибудь примутся».

Итак, обратимся непосредственно к автографу Гоголя.

Да упокоит Господь душу раба Своего, приснопамятного Николая, в селениях райских.